

ИГОРЬ СОКОЛОВ

Человек
из грязи, нежности
и света

Игорь Соколов

**Человек из грязи,
нежности и света. Роман**

«Издательские решения»

Соколов И. П.

Человек из грязи, нежности и света. Роман / И. П. Соколов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741569-3

Роман «Человек из грязи, нежности и света» представляет собой одновременно искрометную пародию на низкопробное чтиво, и эротическую трагикомедию, в которой хаос жанров — фэнтези, сатиры, триллера и детектива — соседствует с одним единственным желанием — вывернуть наизнанку все человеческие чувства и пороки, чтобы хорошенько разглядеть в человеке и зверя, и Бога, всегда поклоняющегося только одному Эросу — Богу Любви..

ISBN 978-5-44-741569-3

© Соколов И. П.
© Издательские решения

Содержание

Грязь, пронизанная светом	6
От автора	8
Глава 1. В тумане чудных побуждений	10
Глава 2. Колдунья	14
Глава 3. Сошедшие с ума	19
Глава 4. Дважды сошедшие с ума	23
Глава 5. Трижды сошедшие с ума	26
Глава 6. Жизнь втроем	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Человек из грязи, нежности и света

Роман

Игорь Павлович Соколов

© Игорь Павлович Соколов, 2016

© Игорь Павлович Соколов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грязь, пронизанная светом

Посреди огромной кучи мусора, какой видится в своем бессмысленном нагромождении современная эротическая литература, произведения Игоря Соколова выглядят менее тенденциозными и даже более оригинальными. Вслед за романами «Двоеженец», «Мое волшебное чудовище» появляется новый роман «Человек из грязи, нежности и света».

Метафора Василия Розанова, использованная в самом названии романа, как и посвящение романа великому русскому философу, писателю – В. В. Розанову, во многом определили эротическо-философское содержание романа, который также наполнен и изрядной долей гротеска, но несет в себе глубокое и осмысленное понимание жизни.

Два главных героя романа – недоучившийся студент Эскин и его отец – дядя Абрам воплощают собой апофеоз Розановской метафоры. Они в равной степени сплетены из грязи, нежности и света, а поэтому и мучаются, и одинаково страдают в этом постоянно изменчивом мире Любви, которая всегда растворяется в Сексе, как чистое в грязном.

Вместе с тем, этот роман никак нельзя назвать маргинальным, хотя бы потому что все запредельное в нем и выходящее за рамки нашего социума, соединяется с безумным юмором, юмором как светлым, так и черным. Постоянное противопоставление чистого грязному, Любви Сексу, Добра Злу, является одним из диалектических приемов автора, привыкшего созерцать своих героев, как в спектре сексуальных, так и духовных отношений.

Невидимая борьба, которую ведут герои за право любить и быть любимыми напоминает абсурд посреди абсурда, но даже сквозь нелепые и комические, а порою фантастические ситуации, неожиданно прорывается свет человеческого сознания, позволяющий разглядеть и в Эскине, и в дяде Абраме людей с большой буквы, людей умеющих бороться с самим Дьяволом.

Воплощением дьявольского начала в романе является таинственная личность Альфреда Тарговица, которого можно принять и за маньяка-маргинала, и за кинопродюсера, связанного с криминальным, теневым шоу-бизнесом. Добившись хитроумным способом заточения дяди Абрама и Риты в недостроенном небоскребе, Тарговец затем пытается превратить их жизнь и любовь в маргинальное телешоу.

Производя постоянную видеосъемку их жизни, вступая с ними в неожиданный диалог даже во время их совкупления, Тарговец беззастенчиво проводит опыт с людьми, как с животными в зоопарке. Только дядя Абрам и Рита не животные, а люди, а поэтому они своей добротой и любовью обезоруживают Тарговица, который постепенно духовно влюбляется в них, а физически влюбляется в Риту, из-за чего вопреки воле мафии оставляет дядю Абрама и Риту в живых, высаживая их на обитаемый остров в Тихом океане, уже заранее предчувствуя, что ему за это придется расплачиваться собственной жизнью.

Именно ожидание Смерти и толкает Тарговица на сексуальное насилие, которое он совершает над Ритой. Однако, в контексте романа, его насилие выглядит последней попыткой очистить свою душу перед смертью. Опять грязное и чистое переплетаются между собой, образуя парадоксальное восприятие даже в смерти Тарговица, когда он занимается онанизмом, вспоминая Риту, и ощущая приближение своей Смерти. Парадокс состоит в том, что ничего грязного в сексуальных действиях нет, если эти действия сопряжены с волей человека и с его необъятным страданием и любовью, в которых заключена вся его сущность. Фантастически сексуальным созданием выглядит Соня, сначала коварно соблазнившая Эскина, а потом сумевшая убедить и его, и своего мужа – Глеба Собакина – жить втроем, создав таким образом полиандрию (многомужество).

Автор с одинаковой долей юмора, иронии и жалости рисует портрет гиперсексуальной женщины, которая с необыкновенной легкостью превращает и мужа, и любовника в двух

послушных самцов. Из-за нее Эскин бросает свою учебу, Глеб Собакин становится жителем туалета на Казанском вокзале, где продолжает малевать свои сюрреалистические полотна. Из-за нее дядя Абрам лишается быстро рассудка, оказавшись с ней в одной постели, правда, потом уже мучительно сознавая, какую боль он причинил собственному сыну.

Весь роман представляет собою какой-то запутанный лабиринт сумасшедшего мегаполиса, однако в отличие от Кафки, этот лабиринт не вызывает никакого ужаса, хотя бы потому что все бессмысленное, все грязное и ужасное в нем, переплетается с нежным, светлым и духовным началом. Так создание (пусть и архаичных по своей конструкции) магических обрядов, к примеру, создание холма, позволили дяде Абраму вместе с Ритой духовно перешагнуть замкнутое пространство, искусственно созданное Тарговицем и другими таинственными личностями, вложившими в этот маргинальный опыт свой капитал.

Вместе с тем, благодаря тому же Альфреду Тарговицу, дядя Абрам с Ритой выходят и за пределы обыденного существования, столкнувшись с тайной другого сакрального мира. Постоянно меняющееся на глазах пространство небоскреба неожиданно вмещает в себя и современную квартиру, и покои средневекового замка, создавая гармонию хаоса, в которой неизменной остается только любовь дяди Абрама и Риты. Временами их жизнь выглядит безупречной пародией на современные маргинальные телешоу «За стеклом», «Дом-1», «Дом-2». Не менее поразительным выглядит и Эскин, который проходит свой нелегкий путь от полиандрии до полигинии (от многомужества до многоженства), став в финале романа счастливым двоеженцем, мужем африканской принцессы и дочери министра иностранных дел. «Человека из грязи, нежности и света» можно считать одним из немногих произведений эротической литературы, которое достойно прочтения. Он, совершенно неожиданно, отпочковался от того легкомысленного жанра, в котором мелькали только одни интимные подробности. Без сомнения этот роман найдет свое место в бесконечной чреде человеческих летописей.

Аарон Грейндингер

От автора

Желание продать себя самому стало ярким свойством многих современных авторов. Впрочем, даже самая добропорядочная свинья внутренне сексуальна, хотя для того, чтобы любить надо обязательно иметь хоть какое-то сострадание, именно из этого чувства сострадания, а заодно и стыда, и возник мой роман.

Заглядывая в копилку своего недавнего разума, я не раз, и не два ловил себя на мысли, что пока мы живы, мы всегда будем врезаться в чью-то немыслимую красоту, которая на наших глазах очень быстро превратится в миф, ну, а миф, как всегда, в реальность. Когда-то Артур Шопенгауэр сравнил влюбленную человеческую пару с парочкой замерзших дикобразов: дикобразы жмутся от холода друг к другу, пытаются обнять друг дружку, но только больнее колят сами себя своими острыми иголками.

Возможно, Шопенгауэр хотел нам сказать: Любите друг друга, но на безопасном расстоянии! Однако, это совершенно невозможно! Любовь всегда таит в себе опасность, ну, а в наше безумно ускоряющееся время она легко может обернуться любой патологией, а поэтому люди любящие друг друга, люди совокупляющиеся, не только в моих мыслях, но и в реальной жизни вполне могут напоминать собою психопатов. Они часто режутся, вешаются, давятся, совершают любые преступления. Топят. Отравляют. Жгут в огне отчаянья отраву своих ложных чувств! В общем, они прекрасно справляются с ролью влюбленных героев. Они живут по типу «собачьей свадьбы» и весьма похотливо обнюхивают друг друга, и в то же время с оглядкой краснеют на весь мир. Человеку всегда было стыдно разглядывать в себе безумное и похотливое животное. Как заметил Аарон Грейндингер, Любовь в Сексе растворяется как чистое в грязном. Я от себя еще добавлю, что Любовь в своем гордом величии и блеске предстает перед Сексом покорной рабой, и падает перед ним на колени, и так всякий раз, когда мужчина овладевает женщиной, он словно срывает с нее покровы человеческой красоты и ее тайны, превращая ее в послушное животное, и сам становится таким же животным.

Человек стыдится своего животного начала, а поэтому все связанное с ним окружает строгим табу. Однако, складывается впечатление, что человечество и создает это табу, чтобы его нарушать!

Я часто задумываюсь над тем, как и откуда возникает Любовь?! Неужели, как инфузория туфелька, создающая сама себя, независимо от среды обитания?! А может как человек любящий другого на острие жалости, и в ощущении рождающейся смерти?!

Очень часто я вспоминаю дорогу в чистое и никем незапятнанное детство. Тогда отец брал меня за руку и вел за собой в светлый сад, там, где каждый мой день напоминал собою волшебную сказку.

Мне очень повезло, что у меня был отец, который сумел мне привить чувство любви и бесконечной жалости к людям, которое я попытался передать своим героям. Мне также повезло войти, всей душой в таинственный и мистический мир русского философа и писателя Василия Розанова.

При создании этого романа, у меня было ощущение, что я писал его вместе с Розановым. Во всяком случае, хотя бы только на подсознательном уровне. Глубоко эротичный, а вместе с тем и метафизичный Розанов позволил мне создать другой мир, который фантастически близок реальному по сути, но далек от него своей, доведенной до абсурда, открытостью.

Мои герои, они как дети, несут в себе мое прошлое, настоящее и будущее, а еще они несут в себе великую иллюзию быть самим собой. Почему я создаю любовные романы, из которых вылетают возжеленные крики и стоны, и которые сочатся слезами и кровью?!

Возможно, потому что я чувствую Любовь, которая не умрет никогда, ибо от нее одной произошел весь наш мир.

Игорь Соколов

Посвящаю моему далекому и невидимому другу и учителю – Василию
Васильевичу Розанову

Автор

Глава 1. В тумане чудных побуждений

Дедушка Эскина ходил очень медленно, потому что все время хотел ссать. Мочился он, правда, чаще всего мимо унитаза, за что дядя Абрам (отец Эскина) всегда бил его головой об стенку, может, поэтому дедушка почти ничего не помнил из своей прошлой героической жизни.

Хотя врач, посещавший дедушку, говорил, что это склероз. Мол, старые люди вообще ничего не помнят, так им давно все надоело. Однако, больше всего Эскину нравилось в дедушке то, что он сильно любил поесть!

Как только вставит свою пластмассовую челюсть, и полхолодильника как не бывало!

За это дядя Абрам привязывал дедушку к койке и сняв с себя офицерский ремень с огромным удовольствием лупил его по заднице, пока на дедушкин крик не прибегали соседи. Когда же они узнавали от дяди Абрама, в чем дело, и быстро распознав в громко урчащем животе дедушки и свою копченую колбасу, сами вырывали из рук дяди Абрама ремень и с умопомрачительной яростью лупили деда по попе, пока он совсем не затихал.

Потом наступало удивительное молчание, которое неожиданно прерывалось пьяным воплем дяди Абрама:

– Убили, суки! Убили! Из-за своей колбасы убили!

И все же дедушка был жив, он просто по своей природе такой хитрющий был, а поэтому и любил иногда прикидываться покойником. Ведь недаром же в народе говорят, что с покойников спрос невелик. Однажды дядю Абрама за что-то посадили, а дедушку пришлось сдать в интернат. Эскин иногда туда приезжал с матерью, и кормил своего дедушку с ложечки. Дед часто жаловался, что у него украли вставную челюсть, чтобы он здесь никого не объедал!

– А я, – говорил дед, – пенсионер и ветеран, как труда, так и войны, и кровь проливал именно из-за этих гадов! А поэтому челюсть никто не имеет права у него отнимать! Потом он настойчиво просил мать Эскина выйти и оставить их наедине с внуком. Когда она уходила, дед тут же склонялся к уху Эскина и шептал ему, чтобы тот написал от его имени письмо президенту, чтобы президент знал о всех творящихся у них безобразиях.

Когда же Эскин робко отказывался, дед уже возмущенно обещал поджечь этой же ночью интернат, а директора интерната расстрелять из собственного маузера, который сейчас хранится в музее Великой Отечественной Войны.

Он говорил, что если он захочет, то ему обязательно вернут маузер, поскольку у ветеранов теперь льготы, а потом если письмо все-таки дойдет до президента, то он сам сюда придет заступиться за дедушку! К тому же у него скоро выборы, а без дедушкиного голоса он ни за что не станет президентом! Дед так раскричался, что в палату вошла мать, а вслед за ней двое санитаров, которые тут же схватив его за руки, куда-то потащили.

Неожиданно Эскин представил себе, что рано или поздно он станет таким же, как его дедушка и громко расплакался. Через месяц дедушка умер, а года через три вернулся дядя Абрам – приемный отец Эскина.

У него откуда-то сразу нашлись деньги, и он организовал строительную фирму, а Эскина отправил учиться в Москву, в Академию Бизнеса.

На кого он стал учиться, Эскин и сам не знал, он только знал, что отец купил ему квартиру в Москве, обставил всю дорогой мебелью, а также заплатил за несколько лет вперед, за его учебу. Такие необычайные предложения не смогли не сказаться на психике одаренного мальчика.

Оставшись в большом городе один и в собственной квартире, он решил, во что бы то ни стало найти себе прекрасную женщину, лучше всего опытную, которая бы всему его научила, а потом за это бы женился на ней.

Мечта вносить свое семя в прекрасное женское лоно согласно законам природы полностью захватила Эскина. Он не столько учился, сколько проматывал деньги, которые ему высылал отец. Как полоумный, Эскин постоянно ходил в кино, в бары, в рестораны и на дискотеки, везде он искал свою драгоценную избранницу, но только девушки от него шарахались и смеялись.

То ли его очень застенчивый вид, то ли не слишком броская внешность отталкивали девушек? Эскин страдал и мучился, а еще он думал, где бы найти такую сволочь, которая бы спокойно, как актриса в кино, показала бы ему свою грудь и свой волосатый холмик?! И не просто показала бы, а отдала бы ему всю себя целиком?!

Конечно, другой на месте Эскина сходил бы на Тверской бульвар и купил бы хотя бы на одну ночь проститутку, но не таков был Эскин, Эскин был фанатик, а вместе с тем и мученик собственной плоти.

«Обреченный ютиться в тюрьме собственного тела, в этой же тюрьме и погибнет», – шептал каждое утро как молитву Эскин. Этими словами он начинал борьбу с собственной плотью, очень часто создающей эффект неожиданного сексуального возбуждения.

Стоило Эскину где-нибудь, на улице или в метро, заглядеться на какую-нибудь симпатичную девушку, как он потом весь день чувствовал себя совершенно разбитым. Правда, он все же как-то сумел познакомиться с одной девушкой. Ее звали Ульяна и она работала маляром на стройке. Желая подшутить над Эскиным, она сказала, что к ним в женское общежитие никого не пускают, но если он хочет к ней попасть, то может залезть по водосточной трубе до третьего этажа. Она ему даже окно показала.

Бедный Эскин, как же он ругал сам себя, когда лез по этой самой водосточной трубе. Как будто кто-то невидимый тянул его за шиворот когда он, рискуя жизнью, взбирался к своей Ульяне. А в комнате Эскина ждал сюрприз.

Более опытные женщины, среди которых была и сама Ульяна, решили разыграть Эскина, изобразив страстное влечение к нему. И действительно, как только Эскин забрался к ним в комнату и познакомился со всеми тремя девушками, как они тут же начали обстреливать его страстными взглядами.

Несчастный Эскин весь взмок от пота и вожделения, да и как тут не взмокнуть, если Мария, свернувшаяся на своей постели клубочком и держащая в руках «Поваренную книгу», так призывно взглянула на него и как будто ненароком обнажила свои стройные ножки.

Ульяна словно разглядев в своей подруге соперницу, издала звук, очень похожий на поросычье повизгивание, а когда Эскин обернулся к ней, сразу же, вроде ненароком открыла его возбужденному взору свою нежнейшую грудь, как бы нечаянно выскользнувшую из разреза халата. От возбуждения Эскин цитировал Ницше и Платона, он рассказывал анекдоты и смеялся как помешанный.

Однако вслед за смехом Марии и шаловливым повизгиванием Ульяны, Эскина привлекала к себе молчаливая Жанна. Жанна не просто молчала, она напряженно щурилась в Эскина сквозь толстые линзы очков, лежа в своей постели не просто в развратной позе, но еще умудряясь показать ему между распахнутыми как бы невзначай полами халата свою волосатую пещеру любви. Эскин зажмурился и задрожал всем телом. Теперь Эскину требовалось совсем немного, чтобы окончательно потерять свой рассудок.

«Боже, я как в тумане», – думал бедный Эскин. Все молодые, раскрасневшиеся и тоже возбужденные женщины веяли на Эскина теплотой своего бесстыдного дыхания.

Оно выплывало из самых соблазнительных недр их, готовых к соитию, тел... Эскин спятил, он вертелся, как юла, цитировал какого-то скучного Ганимеда, потом опять рассказывал анекдот, заходился весь неприличным смехом, а после впадал в безумный экстаз и лез целоваться с Ульяной, обниматься с Марией и даже валился на постель к Жанне. Молодые прекрас-

ные женщины умело превращали все это в шутку, и с блещущими от похоти глазами Эскин сползал по водосточной трубе домой.

– Меня продрали как помойного кота, – жаловался сам себе Эскин, и пошатываясь как пьяный, шел домой. Дома он сразу валился с тяжелым вздохом на кровать и разговаривал сам с собою вслух.

– И почему я такой несчастный?! И почему ни с кем не могу удовлетворить свое желание, свою похоть?! Неужели я такой, урод, что надо мной можно только издеваться?!

В эту минуту Эскин впадал в забытие. Он имел вид скорбного мужа, никак не могущего сносить в себе собственное семя. Он вспоминал эти юные, но уже весьма искушенные создания, и в нем просыпался свирепый зверь.

Он кусал зубами подушку, а потом сваливался с кровати и катался с диким воем по полу. В это мгновение он успевал воссоздать и страстный взгляд Марии с ее стройными ногами, и безумное повизгивание Ульяны с ее обнаженной грудью и молчаливую улыбку Жанны с ее дико заросшей пещерой любви. Все вырывалось и тут же выпрыгивало из его памяти и будоражило его тело самым непозволительным образом. Эскин выл, Эскин плакал, Эскин поклонялся всем женщинам на свете, и что самое ужасное он захлебывался в собственных слезах от жалости к себе и своему отвердевшему уду.

Так постепенно, на протяжении нескольких месяцев Эскин страдал и выдумывал план, с помощью которого он бы, наконец, смог обладать своей, можно сказать, любой женщиной. В женском общежитии над Эскиным откровенно издевались, отчего Эскин впал в меланхолию и опять зачитывался Платоном и Ницше.

Временами его меланхолия в соединении с изрядным количеством невостребованного семени полностью отключала его мозг, и тогда Эскин бился головой в стену, и кажется, очень злил своих соседей, которые тут же ему кричали и сами чем-то тяжелым долбили в стенку.

Однажды Эскин решил сказатьсся больным и с этой целью пригласил из поликлиники врача на дом, втайне надеясь, что к нему придет молодая красивая женщина. Эскин заранее купил бутылку дорогого армянского коньяка и коробку шоколадных конфет, а также пачку таблеток сильнодействующего снотворного средства.

План Эскина был очень серьезен и поэтому продуман до мелочей. Врач действительно оказалась очень привлекательной, хотя и зрелой женщиной. Сама ее зрелость, как и опытность, еще сильнее притягивала Эскина к себе. Она водила рукой по груди, по животу Эскина, очень удивляясь отсутствию какой бы то ни было болезни.

А Эскин не уставая, жаловался на множество разнообразных недомоганий и болей, располагающихся почему-то в самых интимных местах. Поведение Эскина показалось врачу очень странным, тем более что он часто порывался раздеться донага.

– У меня вообще нет ни одного здорового места или органа, – оправдывался он за свое поведение.

– Тогда вам надо к психиатру, – усмехнулась Клавдия Ивановна.

– А вообще-то у меня день рождения, – соврал Эскин, и мне даже не с кем выпить! – и тут же поставил на стол бутылку коньяка и конфеты. – Я такой одинокий, мне даже не с кем пообщаться!

Клавдия Ивановна, движимая исключительно сочувствием, умудрилась уговорить себя сесть с Эскиным за стол и выпить за его здоровье.

– Вообще-то вы у меня последний больной, – улыбнулась она, как бы оправдываясь перед Эскиным за свое неосторожное согласие на столь сомнительное застолье.

– Конечно, конечно, – ликовал в душе Эскин. Эскин тут же предложил Клавдии Ивановне сходить в ванную и помыть руки, а сам в это время бросил в ее рюмку три таблетки, которые тут же растворились, сделавшись невидимыми, как и само желание Эскина утолить свою животную похоть.

– Недавно я развелась со своим мужем, – жаловалась Эскину за столом Клавдия Ивановна.

– Да, это очень печально, – картинно вздыхал Эскин, подливая Клавдии Ивановне еще рюмочку коньяка.

– Он нашел себе молоденькую, – расплакалась Клавдия Ивановна. Бедная, она пила коньяк без всякой заботы, заботясь исключительно о своем нынешнем, одиноком состоянии.

– Клавдия Ивановна, а можно я стану вашим мужем, – восторженно прошептал Эскин.

– Да, вы еще совсем ребенок, – рассмеялась Клавдия Ивановна. «Ну, ладно, я еще покажу тебе, какой я ребенок», – мрачно подумал про себя Эскин.

– Кажется, у меня голова кружится, и глаза почему-то закрываются, – вздохнула Клавдия Ивановна и попыталась встать из-за стола, – кажется надо домой идти! – но, встав на обе ноги, Клавдия Ивановна как-то жалобно всхлипнула и упала. Эскин только этого и ждал, как жадный зверь он накинулся на нее, кусая мягкие нежные губы.

– Вот она, моя жертва! – воскликнул он, безумно радуясь, сам за себя. Но его желание было настолько ослепительным и безудержным, что Эскин впопыхах сломал на ее юбке молнию, что сразу же изменило ход его мыслей.

– Если она обнаружит эту сломанную молнию, тогда мне несдобровать, – вслух подумал Эскин, и поэтому, раздев Клавдию Ивановну целиком и положив ее спящую к себе на кровать, он оторвал от юбки старую сломанную молнию и тут же кинулся на поиски новой.

Только часа через два, в одном случайно подвернувшемся магазинчике, он обнаружил точно такую же молнию. Тихо войдя в квартиру, и убедившись в том, что Клавдия Ивановна спит, Эскин стал осторожно пришивать к юбке новую молнию. Ему оставалось совсем немного, когда Клавдия Ивановна раскрыла свои глаза и издала ужасный крик.

Несчастный Эскин, от страха он выронил и нитку, и иголку, и эту самую злополучную юбку, и был таков. Он даже не помнил, как он убегал из квартиры, а потом до поздней ночи бродил по городу.

Только ночью он решился войти в свою квартиру. Клавдии Ивановны уже не было, но осталась ее записка на столе: «Какой же ты смешной дурачок!»

– Я, дурачок?! – в негодовании заплакал Эскин, – Я ей молнию зашил, а она – дурачок! Сама дура, напугала меня до смерти! До сих пор дрожу как цуцик! К черту этих баб! К черту! Одни только беды от них! Одни беды! Клянусь, больше не подойду ни к одной из них!

Глава 2. Колдунья

– Жизнь, она штука сложная, я бы даже сказал, непредсказуемая, и как ее не обдумывай, как не приспособляйся к ней, она все равно оставит тебя в дураках! – говорил Эскину его друг – сокурсник Иван Иванович Секин.

Они сидели вместе на лавочке возле Чистых прудов и пили пиво.

– А я вот решил с бабами больше никаких дел не иметь, – неожиданно для самого себя высказался Эскин.

– Ну, это ты зря, – глубокомысленно вздохнул Секин, – без баб нам никак нельзя! Без баб ты или алкоголиком или голубым можешь сделаться.

– Да, ну, – стыдливо покраснел Секин.

– Да ну, не да ну, а Жора из третьей группы в «Голубую Луну» стал ходить, – усмехнулся Секин.

– Это в какую еще «Луну»? – удивился Эскин.

– Кабак такой ночной! Там одни только мальчики собираются. Одни как бабы одеваются и красятся, а другие с этими бабами шуры-муры заводят!

– Да, это мне не угрожает, – махнул рукой Эскин, расплескивая пиво из кружки.

– А я тебе все-таки советую найти бабу! – Секин солидным басом озвучил свою мысль.

– Да, где их найдешь, хороших-то, – огорченно завздыхал Секин, – уже поди всех разобрали!

– Ну и дурачок же ты, – засмеялся Секин.

– Можно подумать, что ты умный, – обиделся Эскин.

– Ладно, ты уж не обижайся, – уже с пониманием взглянул на него Секин, – купи литературу какую-нибудь научную о сексе, почитай, поизучай, а потом сходи в какой-нибудь театр. Сейчас, знаешь, сколько одиноких баб по театрам шастает! Их хлебом не корми, мужика давай! Кешу знаешь из пятой группы?!

– Знаю, – боязливо поежился Эскин.

– Так вот, этот м*дак на одном из спектаклей «Ленкома» такую богатую бабу подцепил, что уже третий месяц подряд то в Грецию, то на Гавайи летает!

– Да, уж, – почесал затылок Эскин, – бывают случаи!

– А Гошу из первой группы знаешь?

– Знаю, – ответил Эскин, хотя никакого Гоши даже в глаза не видел.

– А этот раздолбай в «Современнике» с Кларой Новиковой познакомился и с ней в Объединенные Арабские Эмираты укатил!

– А кто такая Клара Новицкая?!

– Ну, ты и даешь, – чуть не поперхнулся пивом Иван Секин, – она ж с экранов телевизоров не слезает! Юмористка известная!

– Не люблю, когда женщины шутят, – нахмурился Эскин.

– Да, наверное, ты прав, – задумался Секин, – некоторые бабы с возрастом от смеха даже в трусы мочатся!

– Это как? – удивился Эскин.

– А так, как засмеются, так и обоссутся! – засмеялся Секин.

– Странно, – с недоверием поглядел ему в глаза Эскин.

– Да уж, в жизни странностей хватает, – согласился с ним Секин.

После разговора с Секиным Эскин всю ночь не мог уснуть, всю ночь ему снились какие-то кошмары, какие-то бабы, которые сначала над ним громко смеялись, а потом прямо из-под юбки пускали ему в лицо мощную струю. Эскин захлебывался и кричал о помощи, а его всегда

спасал Секин, но потом Секин его журил и начинал увещевать, чтобы Эскин тут же шел с кем-нибудь знакомиться.

Тогда Эскин прятался от Секина в шкафу, но Секин его и оттуда вытаскивал за ухо и сразу подводил к какой-нибудь красавице. Красавица краснела, потом смеялась и тут же ссалась. Потом прибежал его дедушка с белым судном и просил у него его купить.

– Дед, ты же умер, откуда ты взялся-то?! – удивлялся Эскин.

– Не все ли равно, земля иль говно, – смеялся дед, размахивая пустым судном, пока какая-то беленькая дамочка не выхватывала у него из рук это судно.

– Караул, убивают! – заорал дед и Эскин тут же проснулся, а потом подбежал к зеркалу и долго, со злорадной ухмылкой вглядывался в свое отражение. Почему-то ему оно нравилось.

– Я красивый, – говорил сам себе Эскин, – а поэтому меня обязательно можно полюбить!

– А, следовательно, я должен в кого-нибудь влюбиться! Влюбиться и если хватит сил – жениться!

С этой целью Эскин этим же днем купил себе книгу «Техника секса». Однако, прочитав ее за неделю от корки до корки, Эскин никак не мог представить себе ни свою будущую возлюбленную, ни предстоящее с ней знакомство.

От безысходности Эскин даже купил у одного знакомого пистолет «ТТ», на всякий случай, если вдруг захочется застрелиться! И все же тоска Эскина вскоре прошла, особенно с того самого момента, когда ему посчастливилось купить с рук на рынке книгу Бюхнера «Как завоевать сердце настоящей женщины».

В книге рисовалась подробная картина знакомства, а в последствие и дружбы, быстро и гармонично перерастающей в любовь.

Куча необходимых советов, наглядно проиллюстрированных фотографиями, воодушевила Эскина. Особенно его заинтересовал случай, когда его знакомая вдруг окажется более интеллектуальной особой.

В этом случае Бюхнер советовал молчать и чаще улыбаться, соглашаясь со всем, о чем будет говорить твоя мудрая собеседница. В общем, Эскин был готов во всех смыслах влюбиться в более или менее подходящую женщину.

Так же он решил последовать совету Секина и сходить в какой-нибудь театр. С этой целью он около часа расспрашивал продавца театральных билетов, где идет самая приличная постановка и какой театр самый вместительный, то есть где больше всего народу.

Самым вместительным театром оказался Большой, но билетов в Большой не было, поэтому Эскин решил довольствоваться МХАТом.

Эскин неожиданно почувствовал, что в этом театре он обязательно сможет подцепить вполне приличную даму, недаром же он назывался художественным. Наконец долгожданный вечер настал, и Эскин попал во МХАТ.

Целый час до антракта он тупо глядел на сцену и с нетерпением ждал, когда же объявят антракт. Поглядывая на увлеченных спектаклем зрителей, Эскин видел слишком много семейных пар и впадал в меланхолию. По сцене бегали полуголые актеры и орали какие-то несусветные вещи.

– Бал сатаны, бал сатаны! – орала сильно обнаженная девица, укрытая специально дырявым балдахином.

«Все-таки грудь у нее совсем крошечная», – с сожалением отметил про себя Эскин. Какая-то Маргарита вставила промеж ног швабру и бегала с ней по сцене, изображая летающую ведьму. Спектакль, конечно, был скучный, но швабра между обнаженных стройных ног Маргариты заметно взволновала Эскина. «Это же фаллический символ», – осенило его. А когда начался антракт, Эскин как опытный охотник, одним из первых покинул зал, уже высматривая добычу. Женщин, конечно, было очень много, но все же одиноких разглядеть было сложно, поскольку многие мужья, воспользовавшись антрактом, вставляли у буфета в очередь за пивом,

в то время как некоторые их жены, также пользуясь случаем, искали явно сладких приключений. К тому же сам Эскин был так взволнован, что от волнения готов был кинуться к любой симпатичной женщине. «Прямо глаза разбегаются! Сколько же их много!» – думал бедный Эскин. Неожиданно на лестнице его внимание привлекла очень миленькая дамочка, игриво поглядывающая на него, и как бы манящая его помахиванием маленькой сумочки.

– А с вами можно, – едва прошептал Эскин, покрываясь потом, и краснея.

– Конечно, можно, – улыбнулась она, – меня зовут Сонечкой, только меня сейчас в буфете ждет подруга, и я очень-очень тороплюсь! – и, вырвав из рук ошеломленного Эскина заранее отпечатанную на компьютере визитку с его телефоном, быстро растворилась в толпе.

На визитке Эскин обозначил себя как специалиста по парапсихологии и аномальным явлениям, а также как психоаналитика по семейным проблемам. Как ему казалось, это придавало какую-то серьезную значимость его задумчивому виду.

Впрочем, знакомство с Соней вселило в Эскина такую уверенность в себе, что он был уже на седьмом небе от счастья. Их общение показалось ему уже таким близким и теплым на ощупь, что он даже не пытался выследить Соню в толпе зрителей. К тому же Соня обещала ему позвонить завтра же днем и договориться с ним о встрече. Теперь Эскин стал лихорадочно обдумывать свои действия на завтра.

С утра он решил не ходить ни на какую учебу и тут же купить бутылку шампанского, ананасы, конфеты и цветы. Потом он решил выучить на память два стихотворения А. С. Пушкина, чтобы уж совсем не показаться Сонечке флегматичным дебилом, и постараться еще несколько раз прочесть книгу Бюхнера «Как завоевать сердце настоящей женщины», и даже по возможности из трех глав: «Знакомство», «Общение по интересам» и «Моя первая интимная связь» сделать необходимые выписки, чтобы потом не забывать ни один из полезных советов Бюхнера во время общения с Соней.

– Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты! – орал Эскин, дефилируя по комнате под равномерный стук соседей в стенку. Как думалось Эскину, и поэты и люди просто влюбленные в поэзию должны были очень бурно выражать свои чувства.

– Как мимолетное виденье! – опять заорал Эскин и тут же прозвенел звонок.

«Наверное, сволочи – соседи», – подумал он, когда взял телефон, и уже было хотел сказать, что сейчас день и плевать он хотел на них, но из трубки раздался нежный голосок Сони.

– Соня, Сонечка! – умилился от восторга Эскин. – Где вы и что с вами?! Я вас хочу встретить!

– Я лучше к вам приеду сама! – резко оборвала его Соня. – Диктуйте адрес!

– Да, да, да, – озадаченно вздохнул Эскин, и чуть-чуть заикаясь от волнения, продиктовал свой адрес.

– Жди через час! – сказала, как будто скомандовала Соня и мгновенно исчезла.

«Наверное, у нее в роду военные, – подумал Эскин, – военные, большие, здоровенные!» И все же сердце его громко забилося от предвкушаемой встречи. Он уже не учил никаких стихов, не заглядывал в книгу Бюхнера, а осторожно резал ананасы и выставлял на стол все свои закуски.

О, если бы только Эскин знал, во власти каких неведомых чар он оказался, и какой безумной и к тому же замужней женщины, женщины мало удовлетворяемой своим мужем, а поэтому ищущей острых ощущений всегда на стороне. Соня ехала к Эскину быстро, и не оглядываясь, она сама с восторгом предвкушала объятия наивного.

«Наверное, еще неопытный», – с улыбкой думала она, нисколько не подозревая, что за ней по пятам уже следует ее обманутый муж – Глеб Собакин.

«Будь ты проклята!» – думал про себя Глеб Собакин, судорожно сжимая под пальто заблаговременно наточенный топор. Когда же за Соней захлопнулась дверь квартиры Льва Абрамовича Эскина, Глеб остановился, с трудом сдерживая свое шумное дыхание, ведь он

пробежал шесть этажей, пока его Соня ехала в лифте, и все же он успел разглядеть номер квартиры, в которую она попала.

«Сразу не надо, пусть сначала улягутся», – подумал Глеб Собакин, с удовлетворением разглядывая деревянную филенчатую дверь Льва Абрамовича Эскина.

Можно сказать, что предчувствие Глеба вполне оправдалось. Соня мгновенно окрутила Эскина и уже через десять минут лежала с ним в кровати.

– Я еще никак и ни с кем, – стыдливо закрывая глазки, прошептал Эскин.

– Лиха беда начало, – засмеялась Соня и весьма проворно стащила брюки и трусы с Эскина.

Она приветливо раздвинула перед ним ноги, но тем не менее очень яростно вцепилась в его левое ухо зубами.

– Оторвись! – чуть было не закричал Эскин, но тут же осекся, испытав яркое наслаждение. Буквально через четверть часа Эскин находился уже на вершине земного блаженства, когда вдруг послышались ужасно громкие удары в дверь.

Уже по первым двум ударам можно было определить, что в дверь не стучали, а нахально и деловито ломали!

«Это мой муж!» – истошно завопила Соня, быстро вскакивая с кровати. Эскин сразу понял, что свершилось что-то непредвиденное.

Однако, имея в своей голове множество полезных советов Бюхнера, Эскин напрягся и мигом выскочил из кровати.

Догадавшись по последнему звуку, долетевшему из коридора, что входная дверь уже разбита, Эскин закрыл дверь, соединявшую зал и коридор на щеколду, и тут же кинулся перед дверью выстраивать произвольную баррикаду из чешской стенки и мягкой немецкой мебели, купленной ему дядей Абрамом. Соня ревела, как иерихонская труба.

Она лежала на полу в позе свернувшегося калачиком эмбриона.

– Да, сделай ты хоть что-нибудь! Позвони хотя бы в милицию, черт возьми! – заорал на нее еще более взволнованный Эскин, но Соня оставалась совершенно безучастной ко всему, со стороны казалось, что она решила уйти из этого мира и никого не трогать, лишь бы только хотя бы раз в новолуние испытывать какой-нибудь умопомрачительный оргазм.

Тогда Эскин сам набрал номер милиции, и дрожащим, очень часто захлебывающимся от волнения, голосом сообщил о разыгрывающейся в его доме драме.

– А вы, случайно, не шутите? – спросил его дежурный.

– Да, какие тут могут быть шуточки, когда моя жизнь уже висит на волоске! – завопил в трубку Эскин.

– Успокойтесь, сейчас приедем, – пообещал ему дежурный, и в этот момент верхняя часть двери, соединяющая коридор и зал, отлетела от удара топора, и тут же из-за груды наваленной мебели показалось ужасно искаженное злобой лицо Глеба Собакина.

– Ну что, гады?! Добились, своего?! – заорал Глеб Собакин, разрубая топором угол антресоли чешской стенки, лежащей у двери.

– Ну, сделайте хоть что-нибудь! – прижалась к Эскину надрывно плачущая Соня.

– Сейчас, дорогая, сейчас, – и Эскин нежно оттолкнув от себя Соню, тут же бросился в кухню. Там он очень быстро вытащил из шкафа банку с дихлофосом, и обернув ее полотенцем, обратно подбежал к куче уже разваливающейся мебели, которую продолжал крушить в безумии Глеб Собакин, и направил мощную струю ему в лицо.

– Ай, сука! – зарычал Собакин, падая на пол.

– Куда нас только не влечет окаянный вихрь случайных приключений, – глубоко вздохнул Эскин и снова принялся нагромождать в проходе оставшуюся мебель. Немного пришедшая в себя Соня тоже кинулась ему помогать.

– Странно, а почему ты мне сразу не сказала, что у тебя есть муж?! – удивился Эскин.

– Ты что, разве не говорила ему, что у тебя есть я?! – послышался за грудой мебели глухой бас Глеба Собакина.

– Да идите вы все на хрен! – заревела Соня и убежала в соседнюю комнату.

– Вот, дуреха, – сказал, поднимаясь с пола Собакин, – всех окрутила! Слушай, друг, ты уж меня извини за все, я же не знал, что ты не знал, что она замужем! Так что извини меня, а я уже, пожалуй, пойду домой!

– Подождите, подождите! Вы мне все тут размолотили, а теперь уходите?! – возмутился Эскин. – Уж подождали бы, сейчас милиция приедет?

– Вот только милиции еще мне и не хватало, – захохотал Глеб Собакин, и плутовато подмигнув Эскину, быстро выбежал из квартиры.

– Он что, уже ушел, – вышла из комнаты нервно озираясь по сторонам, Соня, – ну, тогда я тоже пошла!

Она принялась откидывать в проходе разрубленный пополам диван и кучу щепок, оставшихся от чешской стенки.

– Эй, эй, постой-ка, – опомнился Эскин, – вы мне все тут разбомбили к чертовой матери, а теперь бежать?! Не пушу!

– Тогда я скажу, мой дорогой, что ты меня изнасиловал! – неожиданно усмехнулась Соня.

– А, иди-ка ты к черту! – по-детски заревел Эскин, присаживаясь на, чудом уцелевшее, кресло.

– Ну, ладно, малыш, не сердись, – Соня поцеловала Эскина на прощанье и убежала.

Эскин сразу как-то немного успокоился и, выйдя на балкон, закурил. Уже через пару минут он видел, как из подъезда его дома выбегала Соня. Ее разбросанные во все стороны ярко-рыжие волосы напоминали ему сказочный образ коварной и злой колдуньи.

– А ведь и на самом деле колдунья, – прошептал Эскин и со страхом перекрестился.

Глава 3. Сошедшие с ума

Милиция к счастью, в этот день так и не приехала. Эскину не хотелось рассказывать глубоко лично-интимную историю совершенно посторонним людям, и тем более устраивать из всего этого какое-то уголовное разбирательство.

Всю разломанную мебель он выкинул на помойку, а отцу по телефону сообщил, что его обокрали.

– Ты хоть в милицию-то обращался?! – спрашивал дядя Абрам.

– Обращался, да что толку! – соврал Эскин, радуясь, что отец в эту минуту не видит его.

– Ну, ладно, – вздохнул дядя Абрам, – я вышлю тебе денег, ты уж сам купи себе мебель!

– Конечно, – обрадовался Эскин.

– А ты случайно никого к себе не водил?! – спросил дядя Абрам.

– Нет, никого, – опять соврал Эскин, и опять порадовался, что он его не видит.

– Ну, ладно, – вздохнул с каким-то пониманием дядя Абрам, – ты уж, Лева, будь осторожней.

Потом трубку взяла мать.

– Ну, как ты там сыночек?!

– Все нормально, хорошо, – бодро отозвался Эскин.

– Да, как хорошо, если тебя обокрали?! – заплакала мать.

– Ну, я-то ведь жив, здоров! – вздохнул, краснея, Эскин.

– Теперь тебе надо дверь железную ставить!

– Я уже поставил, – Эскин действительно в этот день поставил в свою квартиру железную дверь.

– Вот и молодец! – обрадовалась мать.

Она еще долго его увещевала, взяв с него не одно, а несколько обещаний быть хорошим и спокойным мальчиком.

Разговор с родителями оставил в душе у Эскина какой-то скверный отпечаток. Он чувствовал, что они не заслуживали с его стороны такого наглого вранья, но ничего не мог поделать с собой.

Не рассказывать же им эту глупую и дикую историю.

А спустя какое-то время он вдруг вспомнил, что когда ему звонила Соня, то в памяти его телефона остался ее номер.

Как ни странно, но он с необыкновенным вождением подумал о новой встрече с ней.

Он позвонил ей днем, когда по его рассуждению, она должна была быть на своей работе.

– Кто это?! – отозвалась с беспокойством Соня, еще не узнавая голоса Эскина.

– Твой старый знакомый, – закашлялся от смеха Эскин.

– А, это ты, малыш, – уже с иронией отозвалась Соня, – думаю, нам незачем встречаться!

– А я тебе говорю, что ты приедешь ко мне, когда этого захочу я! – заговорил вдруг осмелевшим голосом Эскин.

– Думаешь, я испугалась тебя? – по ее голосу было видно, что она действительно взволнованна.

– Ты приедешь ко мне завтра, ровно в полдень, в 12 часов дня, а если не приедешь...

– Можешь не договаривать, – вздохнула Соня.

Ее глубокий вдох доставил Эскину истинное удовольствие.

Он даже не хотел так резко обрывать с ней беседу, но боялся, что слишком увлечется ее страхом.

«Страх женщины вообще очень притягательная вещь, – подумал Эскин, – а может это даже и не страх, а какая-то животная покорность, с которой тело в обладание отдают?»

После этого разговора он еще долго бродил по квартире. Мебель пока можно было и не покупать, в комнате стояли кровать и шкаф с письменным столом и компьютером, а пустой зал был ему нужен при встрече с Соней, чтобы она еще раз увидела дело рук своего обманутого мужа, и за одно это продолжала обманывать его дальше.

В самом ощущении этой принудительно-любовной связи была какая-то мучительная сладость, какое-то хмельное упоение ее готовностью отдаваться ему за случайно причиненный ущерб. Как будто он был ее хозяин, а она его рабыней и наложницей.

«А почему бы, не похлестать ее, в конце концов, она это вполне заслужила, – подумал Эскин, но тут же отверг эту мысль. – Это извращенные идиоты хлещут себя или себе подобных, а я буду любить ее естественно, и постоянно внушать ей эту любовь, буду ласкать до тех пор ее тело, пока не почувствую взаимности. Что может быть краше взаимного притяжения двух тел. Она считала меня наивным неискушенным ребенком, что ж, пусть теперь как можно дольше чувствует меня как искушенного и зрелого мужчину».

Этого часа Эскин ждал с безумным нетерпением, он не спал всю ночь и думал, представляя себе, как все будет происходить. Она вошла в его квартиру как робкий зверек. Пустой зал на самом деле произвел на нее ошеломляющее впечатление.

Для эффектной наглядности Эскин даже оставил в углу груды осколков стекла от посуды и чешского шкафа.

– Милиция была?! – спросила дрогнувшим голосом Соня.

– Была, – усмехнулся Эскин.

– Ты что-нибудь сказал?!

– Сказал!

– Что?!

– Разве это так важно, – улыбнулся он и поцеловал ее.

Она пыталась отвести от поцелуя свои губы, но Эскин с силой притянул ее к себе и жадно поцеловал в губы, запустив свой язык в нее, в ее нежный ротик.

Она тревожно задышала, стыдливо прикрыв глаза. Эскин легко подтолкнул ее в комнату и там уже повалил на постель.

Он сам быстро срывал с нее одежду, а она плакала, ей было стыдно и унижительно, как он и предполагал, а ему было все равно хорошо, как зверь он лег на нее и с ослепительной вспышкой своего взгляда вошел в ее податливое лоно, лоно замужней женщины.

Еще он сделал засос на ее груди, предвкушая, как она потом будет прятать грудь от своего мужа. И тут же он излил в нее семя. Он вдруг захотел, чтобы Соня родила от него, это было бы самой прекрасной мстостью за весь ужас, который он недавно пережил по ее вине. Соня зарыдала, а вскоре забылась в его горячих объятиях.

Эскин не устая, обладал ею уже несколько раз, и всякий раз испытывал от этого безумное наслаждение.

Это тело казалось ему сказкой, сказкой-Афродитой, созданной как в мифе из морской пены. Потом он гладил ее рыжие кудри и нашептывал запомнившееся ему стихотворение А. С. Пушкина.

– Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты, – шептал он.

– Не чистой, а грязной, – всхлипнула она.

– Да хоть какой угодно, – сжал ее в своих объятиях Эскин и снова запустил свой уд в ее волшебную пещерку. Не ожидая с его стороны такого яркого взрыва чувств, она неожиданно простонала.

– Прекрасно, прекрасно, – восхищенно зашептал Эскин и слился с ее нежными губами.

– Ты не просто чудо, ты Иуда, – улыбнулась уже после пришедшая в себя Соня.

– Я же знал, что заставлю тебя почувствовать меня мужчиной, – самодовольно поглядел на нее Эскин, и почувствовать тебя – меня изнутри.

– Да уж, – вздохнула Соня, – теперь ты будешь пользоваться мной как вещью.

– А разве это так плохо?! – возразил Эскин. – Везде есть какие-то свои плюсы! Кстати, Глеб с тобой не разводится!

– Он простил меня, и я ему поклялась жизнью своей матери, что больше никогда не изменю ему, – заплакала Соня.

– Да, ну, прямо какой-то детский сад, – заулыбался Эскин, уже одеваясь.

– Может, ты больше не будешь мне звонить? – всхлипнула Соня.

– Нет, буду, – Эскин вдруг вытащил у нее из сумочки паспорт и внимательно просмотрел его.

– Неужели тебе не противно?! – удивилась Соня.

– Нет, – замотал головой Эскин, положив паспорт обратно в сумочку, – ты сама сделала меня таким. Ты лишила меня невинности, твой супруг сломал дверь в мою квартиру, мебель!

– И что же, теперь я всю жизнь буду за это расплачиваться?! – закричала Соня.

– Ты, знаешь, мои соседи стали почему-то очень тихими, – вдруг задумался Эскин, – даже в тот самый день они не стучали в мою стенку!

– Может, они куда-нибудь уехали, – предположила Соня.

– Вполне возможно, – согласился Эскин.

Они поглядели друг на друга и неожиданно рассмеялись. Было в этом смехе что-то объединяющее их запутавшиеся друг в друге души.

– Знаешь, – улыбнулась Соня с виноватым видом, – я, конечно, могу с тобой встречаться, но только два раза в неделю. Я просто не могу так часто отпрашиваться с работы!

– Это меня вполне устраивает, – Эскин подошел к ней и по хозяйски потрепал ее рыжие кудри.

– А еще что тебя устраивает?! – обиженно вздохнула Соня.

– Ты меня устраиваешь во всех смыслах и качествах! – засмеялся Эскин.

– Какой ты все-таки напыщенный и самодовольный, – возмутилась Соня.

– Не самодовольный, а самодостаточный, – еще больше развеселился Эскин.

Его очень умиляла ее растерянность и слабые вспышки гнева. Она огрызалась, но огрызалась как послушная кошка. Эскину нравилось ее гибкое и немного полное тело зрелой женщины, ему нравилась ее спина, густо усеянная родинками и веснушками, ее золотые почти невидимые усики над верхней губой, ее пухлые губы и небольшой животик, слегка покрытый золотистыми волосами, и ее огненный ярко-красный лобок, который возбуждал его больше всего.

Наверное, ее мужа тоже притягивал этот огненный лобок, и по этой странной метафизической причине он тоже не мог с ней расстаться. Что же, тем хуже для него.

– А ты не хочешь быть моей женой?! – спросил ее Эскин.

– Я, что, сумасшедшая?! – ее глаза посверкивали гневом. Она дышала как сердитая обиженная самка.

Ее гнев неожиданно пробудил в Эскине желание, и быстро сорвав с себя одежду, он снова бросился на нее.

На этот раз это был какой-то осмысленный акт. Каждое движение своего тела внутри нее он наполнял таким жарким вздохом и такой яркой истомой, что вскоре зрачки ее глаз скрылись под веками, украшенные длинными огненно-рыжими ресницами, открывая безумные белки ее глаз.

Этот стон, он вырвал из нее как признание в собственном поражении и в подчинении ее здорового молодого тела его мгновенно отвердевающему уду.

Уду, на который он нанизывал страстные монологи о своей любви, которую он так быстро и жадно обнаруживал во всех складках ее еще цветущей плоти.

Ее плоть засасывала и сжимала его как хищный цветок, цветок, питающийся и готовый всегда питаться его бурно изливающимся семенем.

– Ты читала Платона?! – спросил ее часом позже Эскин.

Она лежала уставшая и беззащитная. Ее тело как изваяние из нежного розового мрамора застыло в его крепких объятиях. Он тихо сжал ее, и она едва шевельнулась.

– Ты о чем-то меня спросил?! – прошептала она.

– Нет, – соврал Эскин. Теперь он не стыдился своей лжи.

Она была вся в воспоминаниях своих недавних ощущений.

Она лизала его, как собака своего щенка, вылизывая каждый сантиметр его шеи, щеки, живота, она как будто в наркотическом бреду глотала его уд, но он продолжал оставаться маленьким и сморщенным созданием.

В какое-то мгновение ему даже показалось, что земля уплывает у него из-под ног.

– Ты сошла с ума, – прошептал Эскин.

– Ты сам виноват, – прошептала в ответ Соня.

– Значит, мы оба сошли с ума, – уже обрадовался Эскин, – наверное, это от счастья?!

– Не знаю, – вздохнула Соня и мечтательно поглядела в окно. За окном накрапывал дождь, и его слезы медленно сползали по стеклу.

– Если хочешь, можешь ко мне не приходить, – грустно вздохнул Эскин.

– Я не знаю, я совсем ничего не знаю, – она глядела в окно и как будто ничего там не видела. Дождь шел, а они молчали, едва обнимая друг друга.

Эскин тоже глядел в окно, ему хотелось даже вылететь из него, навсегда, запомнив это обнаженное нежное тело, эти ярко-красные волосы на лобке и ее то ли синие, то ли зеленые от плача глаза.

Он глядел в ее глаза и видел небо, небо отражалось в них как в зеркале, это было так очевидно, что он расплакался.

Теперь они плакали вместе, с безумной жалостью обнимая друг друга, еще совсем не подозревая, что у железной двери стоит, хищно поблескивая злыми глазами, Глеб Собакин и держит у себя под пальто уже совершенно бесполезный топор.

– Надо бы болгарку, – тяжело вздохнул Собакин и медленно, с тихим плачем начал спускаться вниз, по лестнице.

Глава 4. Дважды сошедшие с ума

Звук болгарки, похожий больше всего на ужасный визг поросенка, которого режут, почти сразу же парализовал Соню.

Она уже не плакала и не кричала, а просто как сомнамбула глядела на Эскина остекленевшими глазами.

– Ты, что, испугалась?! – добродушно улыбнулся Эскин. – Ну, пусть разрезает дверь болгаркой, а мне все равно!

– Как все равно?! – прошептала с глубоким придыханием Соня. – Он же нас сейчас убьет!

– Пусть только попробует, – усмехнулся Эскин и, подойдя к письменному столу, достал пистолет «ТТ».

– Да, вы же убьете, друг друга?! – перепугалась Соня, уже одеваясь.

– Не думаю, – хмыкнул Эскин, тоже набрасывая на себя рубаху. Они уже почти оделись, когда Глеб Собакин со своим новым топором с цветной резиновой ручкой, вбежал в комнату.

– Ну, что, сволочи, попались! – со злорадной усмешкой заорал он, ног тут же замолчал, увидев в правой руке Эскина черный пистолет, чье дуло было направлено в него.

– Да, это, небось, игрушка, – усмехнулся Собакин, и тут же прогремел выстрел. Пуля выбила из его рук топор, а сам Глеб Собакин поморщился, дую на свои ноющие от боли пальцы.

– Пожалуйста, не стреляй в него, – взмолилась Соня.

– А я не в него стрелял, я только в топор, – начал оправдываться перед ней Эскин.

– Ты, что, бандита, что ли себе нашла?! – с перепугу заорал Глеб Собакин.

Тут же в стену послышались глухие удары и истошные вопли соседей.

– Пожалуйста, тише, – взмолился Эскин.

– Вот, Хуэм-Моэм, тише, сам чуть яйца мне не отстрелил, – возмущенно зашептал Собакин.

– Ну, вы же сами обещали изрубить нас топором! – заспорил Эскин.

– Ни х*е-себе, да ничего я не обещал! – прошептал еще тише Собакин.

– Глеб, ну, почему ты материшься? Это же нехорошо, – огорченно вздохнула Соня.

– А изменять мужу хорошо? – Собакин неожиданно залился слезами и присел на пол, рядом с топором.

Эскин опять приподнял дуло пистолета, ожидая от Собакина очередного сюрприза.

– Слушай, опусти, пожалуйста, пистолет! Не видишь, ему плохо! – рассердилась Соня.

– Как же вы все мне надоели! – закричал Эскин. В стену опять прозвучали глухие удары.

– Они, что, ненормальные что ли?! – усмехнулся сквозь слезы Собакин.

– Что-то вроде этого, – засмеялся Эскин.

– Слушай, давай мириться, – Собакин вдруг протянул Эскину руку.

Удивленный Эскин быстро спрятал пистолет в карман и пожал Собакину руку.

Через четверть часа они втроем уже сидели за одним столом на кухне и пили водку, закусывая ее солеными огурцами.

– Я тебе, вот, что скажу, – заговорил уже вполне успокоившийся Собакин, – если хотите встречайтесь, когда угодно и где угодно, только вечер, ночь и все выходные – Сонька моя.

– А ты у меня спросил?! – обиделась Соня.

Эскин молчаливо пожал плечами. Он вообще не понимал, как можно втроем и в такой ситуации обсуждать такие интимные вещи.

– А ты чего молчишь, – обратилась к нему обиженная Соня.

– Вы супруги, вы и решайте, – вздохнул Эскин.

– Ни х*э, хэ-хэ, сам кашу заварил, а мы, значит, разбирайся! – обозлился Глеб Собакин.

– Опять ты материшься! – с укором взглянула на него Соня. – Чему тебя только в школе учили?!

– Ничему меня не учили, – Собакин был уже весь на нервах. Казалось, еще немного и он опят побежит хвататься за свой топор.

– Вообще-то я предлагал ей с вами развестись и жениться на мне, – быстро заговорил Эскин.

– Ну, уж, х*юшки! – Глеб Собакин отчаянно завращал глазами, будто ища что-то острое. Эскин пугливо убрал со стола нож и швырнул его в ящик.

– Думаешь, я убивец, да, – усмехнулся Собакин, – нет, я просто несчастный рогоносец!

– Кстати, вы хотите мне заплатить за испорченную мебель?! – вспомнил вдруг Эскин о мебели. – И за дверь, кстати, тоже?!

– Н-да, – Глеб Собакин мрачно замолчал, и, выпив стакан, захрустел огурцом. Атмосфера за столом накалилась. Казалось, еще немного и двое мужчин сцепятся друг с другом.

– Что вы все молчите-то?! – боязливо поежилась Соня. – Поговорили бы о чем-нибудь!

– Чего ты все издеваешься-то, наставила рога мужу, а теперь издевается, – обиженно вздохнул Глеб Собакин.

– Послушайте, – вмешался Эскин, – надо прийти к какому-то общему знаменателю! Нельзя же все время собачиться!

– Вот и я говорю, – уже заулыбался Собакин, – пусть она к вам днем приходит, а вечером идет домой!

– Послушайте, но так же нельзя, – смущенно заулыбался Эскин, – я понимаю. Если бы никто из нас не знал про это, а так получается как-то странно очень.

– Так надо просто сделать вид, что никто ничего не знает! – засмеялся добродушно Собакин. – Что мы, не сможем этого, что ли?!

– В принципе сможем, – вздохнул Эскин, с жалостью глядя на Соню, – но пусть она сама скажет, выразит свое мнение!

– А зачем?! – сощурился хитро Собакин, – как мы решим, так и будет! Ну, что, по рукам! – он протянул свою руку Эскину.

Эскин с некоторой опаской пожал ее, хотя совсем не хотел этого делать.

– Ну, вы рехнулись что ли, – закричала Соня, – или может, мы в каменном веке живем?!

– Насчет века не знаю, а камней ты за пазухой немало таскаешь, – угрюмо взглянул на нее Собакин.

– Все-таки надо что-то решать?! – вслух задумался Эскин.

– А разве мы не решили, – приблизил к нему свое злое лицо Собакин, – или хересу бутылку, или х*эм по затылку?!

– Успокойся и прекрати ругаться матом! – нахмурилась Соня.

– Извини! Извини! – замахал руками Собакин. – Вообще-то я культурный человек, просто это у меня от волнения, – с виноватой улыбкой обратился он к Эскину.

«Все-таки, кажется, у него не все дома, – подумал Эскин, – и надо же было мне связаться с этой чертовой семейкой!»

– Я вижу, ты уже от нас устал, – засмеялся Собакин и налив всем в стаканы водку, поднял свой стакан, – ну, что, слабо нам всем выпить за всеобщую любовь и спокойствие?!

Эскин с Соней с заметной тенью беспокойства подняли стаканы и чокнулись.

– Пить всем до дна! – заорал Собакин, и Соня с Эскиным от страха выпили всю водку.

– Ну, что, – засмеялся Собакин, – а не хотели! А теперь целуйтесь, целуйтесь, ребята!

– А если мы не хотим?! – вежливо кашлянул в кулак Эскин.

Лицо его уже все покраснело, и он глядел теперь в глаза Глеба Собакина без всякого страха.

– Давай все-таки поцелуемся, чего его обижать, – испуганно прошептала Соня.

– Мы что, на свадьбе, что ли, – выразил свой протест Эскин.

– Конечно, на ней самой, – усмехнулся, подмигивая ему, Собакин, – на собачьей свадьбе! Знаешь, когда двое кобелей одну суку обхаживают, они ведь не дерутся друг с другом, а только ждут своей очереди!

Эскину неожиданно захотелось ударить в лицо Собакина, но все-таки что-то его остановило. Уж больно грустные были у Собакина глаза, сам смеется, улыбается, а глаза плачут. Огромные печальные глаза, почти как у коровы или лошади.

– Ну, что, молчишь, мой малыш? – вдруг погладила по голове Эскина Соня.

– Все-таки я здесь лишний, – встал со вздохом из-за стола Собакин.

– Подожди, не уходи, – кинулась к нему Соня и заключила его в свои объятия.

«Просто какой-то сумасшедший дом, – подумал Эскин, – еще немного и я свихнусь!»

– Ну, раз, ты так хочешь, – Собакин уже совсем успокоился и усадил Соню к себе на колени.

– Ну, что, молчишь, мой малыш? – громко засмеялся Собакин, целуя Соню в шею.

– Пожалуйста, не надо, а то он обидится, – немного отстранилась от него Соня.

– Ты, что, мне не жена, что ли?! – удивился Собакин.

– Ну, жена, жена, – зло поглядела на него Соня, покусывая губы.

– Знаете, я очень устал, – вздохнул Эскин, – к тому же уже поздно, а мне, кажется, еще надо отремонтировать дверь!

– Н-да, – с неожиданным сочувствием поглядел на него Собакин, – вообще-то я только петли срезал, так что ремонтник совсем малюсенький! – Собакин даже указательный и большой палец сложил вместе, чтобы наглядно показать Эскину, какой ему требовался ремонт.

– Действительно, тебе надо уходить, – сказала Соня, вдруг присаживаясь на колени к удивленному Эскину.

– А ты что?! – хмуро зевнул Собакин.

– Я должна с ним немного поговорить, – зевнула в ответ Соня.

– В общем, немного по*баться, – ухмыльнулся Собакин, засунув руки в карманы и забросив левую ногу на правое колено.

– Черт! Черт! Черт! – заорал Эскин, спихнув со своих колен Соню.

– Дурачок! – Соня заплакала, присев на свой стул.

– Ты жену мою не обижай, парень, – вздохнул Собакин, – я за свою жену могу хоть умереть, хоть в тюрьму сесть.

– А ты не пугай, – одернула его Соня, – видишь, он уже устал! Так что, пойдем домой!

Собакин тут же допил остаток водки прямо из горлышка бутылки и пожал уставшему Эскину руку, хотя тот ему ее и не подавал. Когда они ушли, Эскин вышел на балкон.

Он долго сопровождал их безумным взглядом и думал, что эта жизнь очень сложна и запутана, чтобы в ней хоть кто-то мог по настоящему разобраться.

Глава 5. Трижды сошедшие с ума

Первое время Эскин старался не думать про Соню.

Он, как и прежде, изредка посещал занятия в Академии Бизнеса, оплаченные его отцом, а чаще ходил в рестораны и на дискотеки. Он также безуспешно пытался познакомиться с какой-нибудь девушкой, но девушки почему-то издевательски подсмеивались над ним.

А еще он никак не мог забыть Соню и постоянно вспоминал ее молодое здоровое тело. Ее нежное лоно, ласково принимающее в себя его уд.

– Так больше нельзя! – сам себе сказал Эскин и позвонил Соне.

– Сейчас приеду! – обрадовалась Соня, уже не видевшая Эскина целую неделю.

– Ты одна приедешь?! – с тревогой спросил Эскин.

– Конечно, одна, – засмеялась она, и Эскин сразу почувствовал облегчение, как будто какая гора скатилась с плеч. Он с улыбкой стал готовиться к ее приходу.

Поставил на стол бутылку шампанского, ананасы с конфетами. Все почти как в первый раз. Соня приехала очень быстро и тут же жадно поцеловала Эскина в губы.

Они даже не садились за стол, а тут же легли в кровать.

В этот раз Эскин овладел ею сзади.

Сзади Соня почему-то напоминала ему красивую лошадь с гривой огненных волос. Она вздрагивала всем телом в такт его ловким движениям.

Они взорвались безумным восторгом одновременно, и как будто весь мир дал им почувствовать себя до корней волос, до самой глубины учащенного пульса.

Вскоре Эскин будто провалился в тумане внезапного блаженства, он поочередно целовал ее груди, иногда оставляя красные засосы возле сосков.

«Пусть этот гад помучается», – с некоторой долей удовлетворенности подумал про себя Эскин.

– Ты, знаешь, Глеб предлагает нам жить втроем, – неожиданно оборвала мысли Эскина Соня.

– Как втроем?! Он что с ума сошел? – занервничал Эскин.

– Но мы ведь и так живем втроем! – усмехнулась Соня, прижимаясь щекой к груди возбужденного собственным непониманием Эскина.

– Да, ну, чушь какая-то, – опешил Эскин, осторожно отодвигая от себя склонившуюся над ним голову Сони.

– Выходит, ты собственник, – криво усмехнулась Соня.

– Ну и что?! – Эскин смотрел на нее, как будто увидел ее только впервые.

Неожиданно зазвонил его телефон, и Эскин взял его в руку.

– Ну, что, малыш, – услышал он веселый голос Глеба Собакина, – ты согласен жить с нами втроем?!

– Я, что, больной, что ли?! – закричал в телефон Эскин, – или может, вы хотите меня в психушку упечь?!

– Эх, ты, дурачок, – засмеялся Собакин и отключился.

– Ну, почему бы нам действительно не пожить вместе, – пристала к нему Соня, – ведь можно только попробовать!

«Какой я все-таки осел, – с сожалением подумал Эскин, – ведь с самого начала было ясно, что они оба чокнутые!»

– Кстати, Глеб очень неплохо готовит мясо! – улынулась Соня, выжидающе поглядывая на него.

– А он сам из нас шашлык не сделает, – ехидно поглядел на нее Эскин.

– Да, он только с виду такой страшный, а на самом деле он совершенно безобидный ребенок, – засмеялась Соня, но Эскин угрюмо промолчал. Он уже пожалел, что он опять ей позвонил и теперь запросто позволяет обвести себя вокруг пальца.

– А потом он готов уступить тебе все выходные, – заговорила быстро Соня, словно боясь, что Эскин ее сейчас прервет своим тяжелым монологом, но Эскин молчал, он уже набрался от всех удивительного терпения, и думал только об одном, когда она, наконец, уйдет.

Он уже разочаровался во всем, даже любовь представлялась ему одной из самых примитивных формаций Вселенной, которая превращала его в самое жуткое и ущербное существо.

– А почему нельзя оставить все как есть?! – спросил ее наконец Эскин, собравшись с духом.

– Глеб на это не пойдет, – вздохнула Соня, – он будет думать, что я пошла не к тебе, а еще к кому-нибудь!

– Разве для него это имеет какое-нибудь значение? – засмеялся Эскин. Ему уже почудилось, что он сходит с ума, и его очень скоро куда-нибудь увезут.

– Для Глеба имеет, – завершила его Соня.

Все время, что она говорила, она не смотрела ему в глаза.

Возможно, она чувствовала, как он переживает.

– Глеб очень уважает тебя! Он видел, как ты его не испугался и стал заступаться за меня!

– Странно! – вздохнул Эскин. – У меня такое чувство, что вы все издеваетесь надо мной!

– Да, нет же, – обиделась Соня и с укором посмотрела ему в глаза.

Эскин молчал, он решил замолчать надолго, чтобы поймать истину в воздухе.

Пусть Соня будет говорить, а Эскин в это время, глядишь, и поймает свою истину. У каждого она своя! С каждой минутой Соня все больше злилась, разговаривая с Эскиным, разговаривая с Эскиным, как с приведением.

– Хочешь сделать мне больно? – презрительно улыбнулась Соня.

– Хочу, – вдруг отозвался Эскин, – хочу так заморочить тебе голову, чтобы ты больше никогда здесь не появлялась!

Соня заплакав, тут же набрала номер Глеба и сквозь слезы пожаловалась Глебу на Эскина.

– Он хочет с тобой поговорить, – протянула Соня телефону Эскину. Эскин взял телефон и тут же услышал плохо разборчивый мат:

– Ху-ху-хо-хо-бл*-ха-му-ха-х*эс-сэс!

– Слушай его сама! – Эскин отдал телефон Соне, а сам завалился на кровать.

– Ты, что, дурак, материшься-то? – немного послушав Глеба, заговорила Соня. – Я же просила тебя поговорить с ним по-человечески! А ты опять материшься! Что, хочешь приехать сюда? Он хочет приехать! – посмотрела Соня на Эскина.

– Что хотите, то и делайте, – Эскин демонстративно отвернулся к стене. Глеб вошел в квартиру через минуту. Возможно, все это время он стоял под дверью и ждал своего часа.

– Что ж ты, дорогой, жену-то нашу обижаешь?! – заговорил на удивление спокойным и ровным голосом Собакин.

– Послушайте! Оставьте меня в покое! – простонал Эскин.

– Бессовестный! Ты хотя бы лицом к нам развернулся! – закричала вдруг Соня.

Эскин повернулся к ним лицом и ахнул. Все лицо Глеба Собакина напоминало собой здоровенный красный волдырь.

– Что это с вами?! – приподнялся с постели взволнованный Эскин.

– Это я его, – всхлипнула Соня, – он о тебе всякие гадости говорил, а я обозлилась и ошпарила его кипятком!

– Видишь, как мне из-за тебя досталось? – Собакин глядел на него, будто вымаливая прощение.

– А ты еще не хочешь с нами жить!!! – обиженно вздохнула Соня.

«Придурки! Семья придурков!» О, если бы он только мог произнести эти слова вслух. Эскин улыбнулся.

Он почему-то решил им подыграть, а дальше посмотреть, что из этого получится.

– Я согласен жить с вами! – сказал он.

– А вот этого ты не хочешь?! – сказал Собакин, протянув ему под нос свой здоровенный кулак.

– Ты, что, хочешь, чтоб я опять тебя кипятком обварила, – зашумела Соня, отчего Собакин тут же притих, и даже заискивающе заулыбался. Эскину стало плохо.

Он еще тогда, в прошлый раз почувствовал, что они – психи, но как теперь отвязаться от них он не знал.

– Между прочим, я болен смертельно опасной болезнью, – заговорил Эскин, и неожиданно сам, поверив в свой обман, зарыдал.

– Значит, этот м*дозвон нас заразил! – подпрыгнул на месте Собакин, сжимая свои руки в кулаки.

– Эта болезнь не передается половым путем, – Эскин плакал, олицетворяя собой полную безнадежность.

Ему было легко заплакать от мысли, что с этими психами он еще помучается!

– Так тебя надо лечить! – всхлипнула Соня, присаживаясь к нему на кровать.

– Давай, его в больницу отвезем! – предложил Собакин.

– Пусть лучше дома лежит, – нахмурилась Соня, – я хоть за ним поухаживаю! – и немного поправила под Эскиным подушку.

– Ну, тогда надо врача на дом вызывать! – задумчиво поглядел на Эскина Собакин.

«А может это вполне нормальные люди, и я им зря морочаю голову, – подумал Эскин, – ну, хотя бы они жить втроем, но разве это такая уж ненормальность? При матриархате каждая женщина имела по несколько мужей, а среди некоторых народов, например в Полинезии до сих пор существует матриархат!»

– Не надо врача, у меня есть лекарство, – сдавленным голосом прошептал Эскин. В это время он краснел и потел одновременно, но происходило это от чрезмерного волнения.

– Ну, вот, я буду давать ему лекарство, – как будто немного обрадовалась Соня.

– И мы все вместе будем жить втроем, – радостно добавил свою мысль Собакин.

– Я отсюда никуда не уйду! – прошептал Эскин.

– Значит, будем жить здесь, – потер руки Собакин.

– А если отец приедет, что я ему тогда скажу?! – заволновался Эскин.

– Скажешь, что пустил на время двух студентов, сокурсников! – улыбнулась Соня.

– Но вы же намного старше меня, – вздохнул озабоченно Эскин.

– Есть и старые студенты, – успокоил его Собакин, чему-то про себя улыбаясь.

«Странно, – подумал Эскин, – я им сказал, что смертельно болен, а никто из них даже не заплакал?! Неужели они такие хитрые, что нисколько мне не верят?!»

– Раз ты так серьезно болен, то никуда не ходи, а лечись, а я себе отпуск возьму и посвящу его весь тебе, – с улыбкой прошептала Соня, и нисколько не стесняясь Глеба Собакина, прижалась к нему.

– Все-таки втроем жить хорошо! – хихикнул Собакин, подмигивая Эскину.

– Не знаю, не знаю, – смущенно отозвался Эскин.

– Эх, малыш, если бы ты только знал, какая нас ждет жизнь, – мечтательно вздохнул Глеб Собакин.

– Но я же сказал, что я болен, – кусая губу, сказал Эскин.

– Ну, так, лечись! – с непониманием взглянула на него Соня.

– Но я же сказал, что смертельно болен, – Эскин с немой отчаянием глядел ей в глаза.

– А кто тебе сказал, что ты смертельно болен, – усмехнулась Соня, – может ты покажешь справку от врача с каким-нибудь диагнозом?!

«Она мне не верит», – подумал Эскин, краснея.

– А зачем тогда тебе брать отпуск?! – прошептал Эскин.

– Чтобы все время быть с тобой, – улыбнулась Соня и поцеловала его.

– Эх, как хорошо жить втроем, – опять добродушно рассмеялся Собакин.

– А в кровати мы тоже будем втроем?! – спросил Соню Эскин.

– А почему бы и нет, – ответил вместо нее Собакин.

– Дурдом, – уже вслух подумал Эскин.

– Можно и по очереди, одну ночь он, следующую ночь ты, – бодро отозвалась Соня.

Эскин покусывал губы и молчал, уже вся жизнь казалась ему каким-то безумным сном. Эти люди существовали, и значит, Богу было угодно, чтобы их сумасшедшие воззрения укладывались в одно место вместе с нравственной проповедью.

– Все больное нравственно, а все здоровое безнравственно! – вдруг озвучил мысль Эскина Глеб Собакин.

– Вы телепат?! – спросил его с ужасом Эскин.

– Нет, я амеба, – тихо рассмеялся Собакин, усаживаясь к ним третьим на кровать.

Его красное как большой волдырь лицо безумно раскачивалось из стороны в сторону. Соня в это время оставляла засосы на шее Эскина, а Эскин закрывал глаза, думая, что все это ему только снится.

Глава 6. Жизнь втроем

Эскин до сих пор никак не мог понять, как он мог дать им уговорить себя жить втроем. Ведь он изучал античную философию, христианство, эзотерические тайны древнего Востока, и вдруг его разум почему-то ослаб и он сделался совершенно безвольным человеком. Конечно, ему нравилась Соня как женщина, но присутствие ее мужа – Глеба Собакина постоянно раздражало его. Собакин часто безо всякой причины смеялся. Кроме всего прочего он редко мыл руки и почти никогда не смывал за собой в туалете.

– Не обращай внимания, все художники такие! – успокаивала его Соня.

Глеб Собакин действительно был художником. Только рисовал он почему-то одну голую Соню, то сидящую верхом на лошади, то верхом на страусе, то на голове самого Глеба Собакина.

Вместе с собой они привезли раскладушку, на которой теперь поочередно спали то Эскин, то Глеб Собакин, пока один из них удовлетворял в соседней комнате Соню. Самое ужасное, что поразило Эскина, что Соня кричала одинаково во время оргазма, что с ним, что со своим мужем!

Получалось, что она могла с одинаковым упорством любить двух мужчин сразу! Собакин вместе с собой приволок кучу мольбертов, холстов с рамками и красок, и теперь квартира сильно провоняла краской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.